

Наниева Мадина Руслановна

Магистрант

Направление: Юриспруденция

Магистерская программа: Уголовный процесс, криминалистика и судебная экспертиза, теория оперативно-розыскной деятельности

К вопросу о законности доказательств, полученных на территории иностранного государства

Аннотация. В статье рассматривается проблема допустимости протоколов следственных действий как доказательств, проведенных на территории иностранного государства по запросам должностных лиц, осуществляющих досудебное производство по уголовным делам.

Ключевые слова: доказательство, следственное действие, следователь, дознаватель, иностранное государство, территория, Российская Федерация.

Законность как общеправовой принцип, закреплен в ст. 15 Конституции РФ и определяет иерархию нормативно-правовых актов по их юридической силе. Применительно к уголовно-процессуальному законодательству принцип законности детализирован в нормах ст. 7 УПК РФ и определяет порядок правового регулирования правоприменительной практики (ч. 1), разрешение коллизионных вопросов при производстве по уголовному делу (ч. 2), последствия нарушения норм УПК РФ при доказывании (ч. 3) и требования к уголовно-процессуальному акту (ч. 4).

Как видим, законодатель связал законность при производстве по уголовному делу с обязанностью должностных лиц, ведущих процесс, строго следовать нормам УПК РФ.

«Законность, в этой связи пишет Е.В. Колесников, проявляется в исключительной роли действующего УПК РФ при отправлении правосудия и защите прав личности...» [1, с. 59].

Однако такая исключительность названного Кодекса опровергается конституционными положениями, другими нормами самого УПК РФ и нормами международного права. Так, в упомянутой ст. 15 Конституции РФ, а именно в ее ч. 4 однозначно указано – «Общепризнанные принципы и нормы международного права и международные договоры Российской Федерации являются составной частью ее правовой системы. Если международным договором Российской Федерации установлены иные правила, чем предусмотренные законом, то применяются правила международного договора».

Аналогичное по своей сути положение, но относящееся непосредственно к уголовному судопроизводству, содержится и в ч. 3 ст. 1 УПК РФ.

В ч. 2 ст. 5 Модельного УПК для государств-участников СНГ [4] содержится еще более строгое требование – «Регулирующие порядок уголовного судопроизводства положения какого бы то ни было закона или другого акта, противоречащие общепризнанным принципам и нормам международного права, применению не подлежат».

Следовательно, исключительность УПК РФ как регулятора уголовно-процессуальных отношений, как это утверждает И.А. Яшина [6], не подтверждается как на конституционном уровне, так и на уровне международного уголовно-процессуального права СНГ.

Данный тезис находит подтверждение и в решении Конституционного суда РФ [5], который, проанализировав положения ч. ч. 1 и 2 ст. 7 УПК РФ констатировал, что они по своему конституционно-правовому смыслу в системе норм хотя и не затрагивают определенную Конституцией РФ иерархию нормативных актов в правовой системе Российской Федерации, но и не предполагают распространение приоритета УПК РФ на разрешение возможных коллизий между ним и какими бы то ни было федеральными конституционными законами, а также между ним и международными договорами Российской Федерации.

Если же в ходе производства по уголовному делу будет установлено несоответствие между федеральным конституционным законом (либо международным договором Российской Федерации) и УПК РФ (который является обычным федеральным законом), применению подлежит именно федеральный конституционный закон или международный договор Российской Федерации как обладающие большей юридической силой по отношению к обычному федеральному закону.

Таким образом, Конституционный суд подтвердил приоритет норм международного права при производстве по уголовному делу над уголовно-процессуальным законодательством.

Долгое время камнем преткновения в этом вопросе было требование разумного срока уголовного судопроизводства, который в качестве содержания права на справедливое судебное разбирательство был объявлен в ст. 6 Конвенция о защите прав человека и основных свобод [2]. В 2010 году требование разумного срока в качестве принципа уголовного судопроизводства было включено в УПК РФ (ст. 6.1).

Такой законодательный подход к устранению коллизии между отечественным и международным правом состоящий в рецепции законодателем признанных Российской Федерацией международных норм-принципов судопроизводства по уголовным делам является наиболее рациональным, но он может быть распространен лишь на принципиальные положения, но не на саму процедуру производства процессуальных действий.

Поэтому наиболее серьезным вопросом и в то же время наименее урегулированной уголовно-процессуальным законодательством сферой деятельности является вопрос об использовании в уголовном деле доказательств, полученных в другом государстве по поручению отечественных органов предварительного расследования в порядке реализации положений международных договоров о правовой помощи и правовых отношениях по уголовным делам [3].

В данном случае правовой основой использования в российском уголовном судопроизводстве доказательств, полученных на территории иностранного государства его должностными лицами в ходе исполнения ими поручений об оказании правовой помощи по уголовным делам или направленные в Российскую Федерацию в приложении к поручению об осуществлении уголовного преследования в соответствии с международными договорами Российской Федерации, международными соглашениями или на основе принципа взаимности, заверенные и переданные в установленном порядке, является ст. 455 УПК РФ. В соответствии с ней предполагается, что также пользуются такой же юридической силой доказательства, как если бы они были получены на территории Российской Федерации в полном соответствии с требованиями настоящего Кодекса.

Таким образом, УПК РФ выдвигает два условия признания допустимыми доказательств, полученных на территории иностранного государства – а) надлежащее их удостоверение и б) установленный порядок их передачи.

Однако эта декларативная норма противоречит ч. 1 ст. 86 УПК РФ в соответствии с которой сбор доказательств осуществляется в ходе уголовного судопроизводства дознавателем, следователем, прокурором и судом путем производства следственных и иных процессуальных действий, предусмотренных настоящим Кодексом.

Более того, в ч. 1 ст. 75 УПК РФ содержится беспелляционное требование обязательного соответствия доказательств требованиям отечественного уголовно-процессуального законодательства. В противном случае они признаются недопустимыми. Конечно, норму ст. 455 УПК РФ следует признать специальной и рассматривать требования к доказательствам, полученным в зарубежном государстве, как регламентированное УПК РФ исключение из общих правил. Но дело в том, что как раз сама эта специальная норма и не устанавливает требуемые исключения, а, в свою очередь, содержит указанные условия легитимности анализируемых доказательств, но подробно не определяет эти особенности.

Следовательно, российское уголовно-процессуальное законодательство за протоколами следственных действий, составленными по поручению следователя (дознвателя) за пределами Российской Федерации, однозначно, т. е. без всяких условий, не признает именно процессуального статуса таких действий.

Да, они могут быть признаны иными документами, но не всегда протоколами следственных действий. В этом случае на пути их признания именно таковыми могут возникнуть несколько препятствий. Первое, несоблюдение формы протокола, предусмотренной УПК РФ. К числу таких неустранимых недостатков может относиться отличное от российского название следственного действия, отсутствие понятий при его производстве или производство следственного действия без участия защитника, в то время как по российскому законодательству их участие в данном случае обязательно.

Второе, это форма заверения указанных следственных действий. В ст. 455 УПК РФ законодатель не определяет порядок удостоверения подлинности протоколов, полученных на территории иностранного государства. К примеру, в ст. 522 УПК Республики Казахстан по этому поводу существует специальная норма, определяющая, что процессуальные документы, составленные на территории иностранного государства в соответствии с действующим на его территории законодательством и скрепленные гербовой печатью, принимаются как процессуальные документы, без какого-либо ограничения, если иное не предусмотрено международным договором Республики Казахстан.

Как видим, УПК РК требует скрепления подписей на иностранных протоколах следственных действий гербовой печатью. Такое требование следует включить и в УПК РФ в форме ч. 2 ст. 455.

Это позволит рассматривать без каких-либо условий упомянутые доказательства не в качестве иных документов (как это происходит наиболее часто в правоприменительной практике) и не в полной мере соответствует их первоначальному смыслу, а именно в качестве протоколов следственных действий, поскольку они проведены уполномоченным лицом и по письменному

поручению должностного лица, осуществляющего производство по уголовному делу на территории Российской Федерации. Не при этом соблюдение иностранными должностными лицами процедуры российского уголовно-процессуального законодательства не может служить основанием признания этих доказательств недопустимыми, чего нельзя сказать о нарушении процедуры страны, оказывающей содействия органам предварительного расследования России. В то же время порядок производства следственных действий, определенный ее законодательством, должен соблюдаться без каких либо оговорок, если таковые специально не оговорены международным договором о взаимопомощи по уголовным делам.

Литература

1. Колесников Е.В. Судебная власть и принцип законности в уголовном судопроизводстве // Вестник Саратовской государственной академии права. 2004. № 1(38).

2. Конвенция о защите прав человека и основных свобод (Заключена в г. Риме 04.11.1950) (с изм. от 13.05.2004) // Собрание законодательства РФ. 2001. № 2. Ст. 163.

3. Конвенция о правовой помощи и правовых отношениях по гражданским, семейным и уголовным делам» (Заключена в г. Минске 22.01.1993) (вступила в силу 19.05.1994, для Российской Федерации 10.12.1994) (с изм. от 28.03.1997) // Бюллетень международных договоров. 1995. № 2.

4. Модельный уголовно-процессуальный кодекс для государств-участников СНГ. Рекомендательный законодательный акт (Принят на седьмом пленарном заседании Межпарламентской Ассамблеи государств – участников СНГ 17 февраля 1996 года) // Приложение к «Информационному бюллетеню». 1996. № 10.

5. Постановление Конституционного суда РФ от 29.06.2004 № 13-П «По делу о проверке конституционности отдельных положений статей 7, 15, 107, 234 и 450 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с

запросом группы депутатов Государственной Думы» // Вестник Конституционного суда Российской Федерации. 2004. № 4.

6. Яшина И.А. Принцип законности при производстве по уголовному делу и права человека: проблемы правового регулирования [Электронный ресурс] // Режим доступа: <http://justicemaker.ru>

© Бюллетень магистранта 2016 год № 1